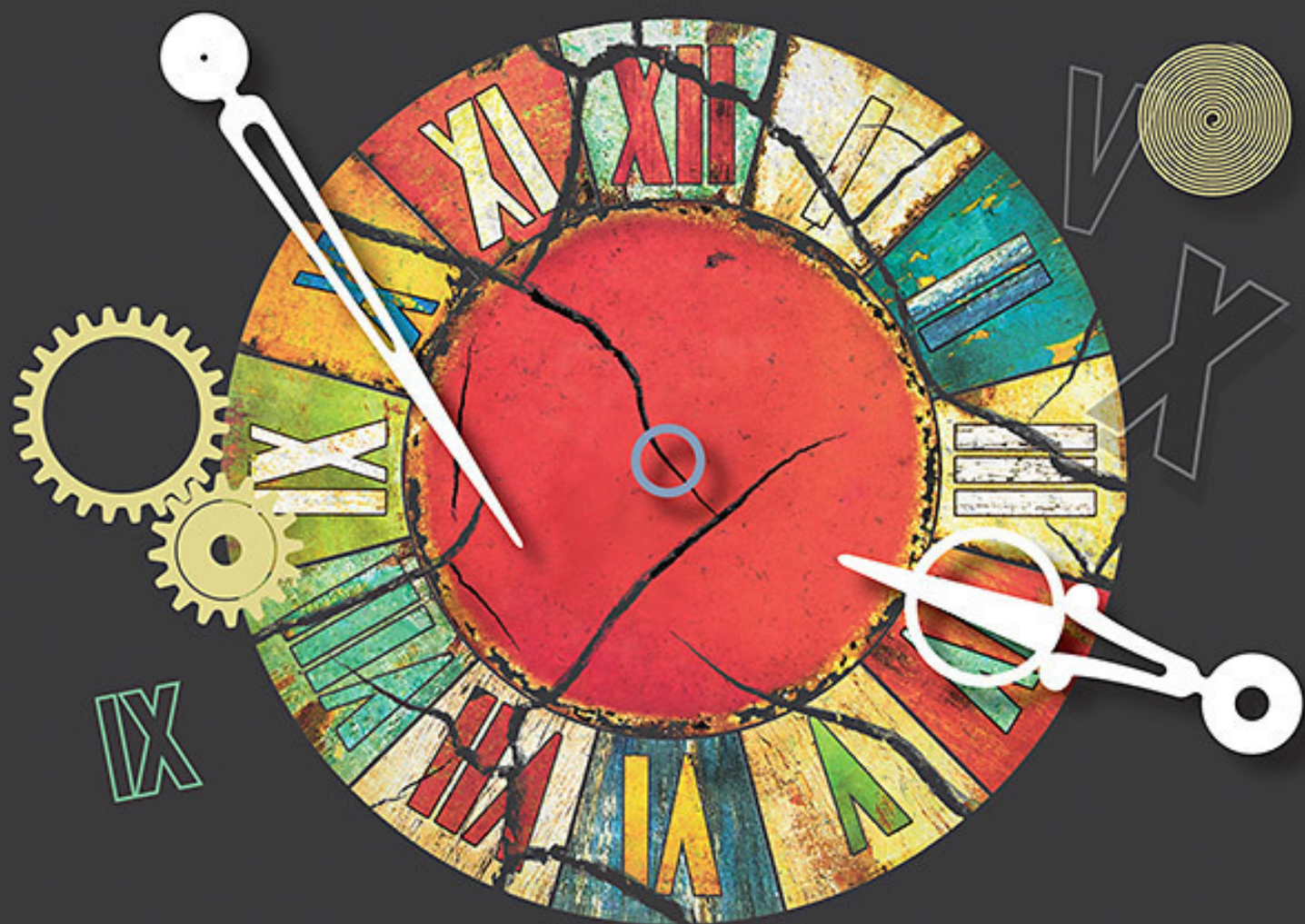

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ МИР

МАЛЕНЬКАЯ КНИЖКА О БОЛЬШОЙ ПАМЯТИ

А. Р. ЛУРИЯ

Эти две книги сыграли важную роль в моей жизни.

ОЛИВЕР САКС,
автор книги «Человек, который принял жену за шляпу»

Сам себе психолог (Питер)

Александр Лурия

**Потерянный и возвращенный
мир. Маленькая книжка о
большой памяти (сборник)**

«Питер»

УДК 159.953
ББК 88.351.2

Лурия А. Р.

Потерянный и возвращенный мир. Маленькая книжка о большой памяти (сборник) / А. Р. Лурия — «Питер», — (Сам себе психолог (Питер))

ISBN 978-5-4461-0837-4

Это повесть об одном мгновении, которое разрушило целую жизнь. Это рассказ о том, как пуля, пробившая череп человека и прошедшая в его мозг, раздробила его мир на тысячи кусков, которые он так и не мог собрать. Это книга о человеке, который отдал все силы, чтобы вернуть свое прошлое и завоевать свое будущее. Это книга о борьбе, которая не привыкла к победе, и о победе, которая не прекратила борьбы. В этой книге нет ни строки вымысла. Каждое ее положение проверено сотнями наблюдений и сопоставлений. Пишущий эти строки не был вправе вносить какие-либо изменения в страницы дневника, написанного героем, выбирая лишь куски из отдельных тетрадей и не меняя ни стиля, ни смысла. Читатель оценит эту книгу – книгу об одном живом человеке, который с таким упорством боролся за свой мозг, испытывая на каждом шагу непреодолимые трудности, но который в конечном счете вышел победителем из этой изнуряющей, неравной борьбы.

УДК 159.953

ББК 88.351.2

ISBN 978-5-4461-0837-4

© Лурия А. Р.
© Питер

Содержание

Уважаемый читатель!	6
Предисловие к американскому изданию[10]	10
Потерянный и возвращенный мир	15
О книге и об авторе	15
Прошлое	17
Война	18
После ранения	19
Что же со мной?	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Р. Лурия
Потерянный и возвращенный мир.
Маленькая книжка о большой памяти

Предисловие, научный комментарий А. Ш. Тхостова, М. С. Ковязиной

© ООО Издательство «Питер», 2018

© Серия «Сам себе психолог», 2018

* * *

Уважаемый читатель!

Вы открыли две самые особенные книги советского психолога и невролога Александра Романовича Лурии, отличающиеся от всех его научных трудов по жанру, стилю и содержанию, – «Маленькая книжка о большой памяти» и «Потерянный и возвращенный мир».

Они необычны и тем, что являются образцами редкого жанра научно-художественной медицинской и психологической литературы, в которых хорошим литературным языком с минимальным использованием специальной терминологии описаны история болезни и жизнь людей, удерживающих внимание не просто как «случаи», а как люди, проживающие необычную, сложную жизнь и преодолевающие свои недуги. По содержанию – это подробный анализ личности героев, сделанный на основе многолетнего наблюдения, так называемая «клиническая казуистика».

Обе книги служат убедительным доказательством того, что психику человека лучше всего можно понять и изучить только в контексте его конкретной жизни и культурного опыта. Такой подход к научным исследованиям, к пациентам А. Р. Лурия называл, вслед за М. Ферворном, «романтическим»: «Имея дело с больным, мы никогда не должны забывать, что речь идет о человеческой жизни, а не о статической абстракции, которая подтверждает или опровергает теорию». Классические ученые – это те, которые рассматривают явления последовательно по частям. Шаг за шагом они выделяют важные единицы и элементы, пока, наконец, не сформулируют некие абстрактные общие законы. Затем эти законы рассматриваются как сила, управляющая явлениями в изучаемой области. Один из результатов такого подхода – сведение живой действительности со всем ее богатством деталей к абстрактным схемам... Иными чертами, подходами и стратегией отличаются романтические ученые. Они не идут по пути редукции реальности к абстрактным схемам... Романтики в науке не хотят ни расчленять живую реальность на ее элементарные компоненты, ни воплощать богатство конкретных жизненных событий в абстрактных моделях, которые теряют свойства самих явлений. Величайшее значение для романтиков имеет сохранение богатства конкретных событий как типовых...»¹

На этом моменте стоит остановиться поподробнее. Сейчас использование термина «романтическая наука» по отношению к наследию А. Р. Лурии стало общим местом, однако совсем не самоочевидно его обращение к этому научному стилю, ограничения которого он очень хорошо осознавал: «Романтическая наука обычно не отличается логичностью, и она не идет по пути последовательно продвигающегося шаг за шагом доказательства, что характерно для классической науки, она с большим трудом дает четкие формулировки и общие законы. Иногда логический, последовательный анализ не дается романтическим ученым, и тогда в их работе преобладают художественные наклонности и интуиция»². Тогда почему же его тянет к романтике, притом что основной корпус его работ вполне классический? Зачем он, ученый с мировым именем, возвращается к этим случаям через много лет и публикует их, хотя эти тексты лежат совсем не в русле его очевидных интересов? Почему, наконец, он упоминает их в отдельной главе своей научной биографии?

В его объяснении сквозит нескрываемое разочарование в классической науке, которой он сам столь плодотворно занимался, но не мог не замечать ее механистичности: «С появлением нового технического оснащения... классические формы медицинской процедуры были оттеснены на задний план. Врачи нашего времени, располагая батареей вспомогательных лабораторных средств и тестов, часто игнорируют клиническую реальность. Наблюдение больных

---

¹ Лурия А. Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография / Под ред. Е. Д. Хомской. 2-е изд. М.: Издательство Московского университета, 2001. С. 171.

² Там же. С. 172.

и оценка синдромов начали уступать место десяткам лабораторных анализов, которые затем комбинируются с помощью математической техники в качестве средства диагностики и рекомендаций для лечения. Врачи – великие наблюдатели и мыслители – постепенно исчезают. Теперь редко найдешь действительно хорошего врача, равным образом искусного и в диагностике, и в оценке заболевания, и в лечении. Я не собираюсь недооценивать роль инструментальных средств медицины, но склонен решительно отказаться от такого подхода, когда эти вспомогательные средства становятся главными в медицине, вытесняя клинические наблюдения настолько, что клинический анализ слепо следует за инструментальными данными. В прошлом веке, когда вспомогательные лабораторные методы встречались редко, искусство клинического наблюдения и описания достигло своей вершины. Читая классические наблюдения великих врачей Дж. Лорда, А. Труссо, П. Мори, Ж. Шарко, Вернике, С. Корсакова, Хэда и А. Майора, нельзя не видеть красоту этого искусства, этой науки. Теперь это искусство наблюдения и описания почти утеряно»³.

Здесь довольно подробно формулируются основания неудовлетворенности строго объективистской наукой, упоминаются великие имена, кроме одного, которое на самом деле наиболее важно – Зигмунда Фрейда. Это умолчание значимо, поскольку скрывает одну из важных причин тяги к «романтической» науке, связанную с личной историей. В студенческие годы Александр Романович проявляет активный интерес к учению З. Фрейда, который в то время занимается поиском и разработкой метода, способного выявлять и объяснять сложнейшую клиническую психологическую действительность, создает «психоанализ»⁴ как вариант тончайшей «аналитической психологии» по аналогии с аналитической химией и долгое время пытается совместить объективистский и «романтический» подход. А. Р. Лурия настолько заинтересован новым направлением, что вступает с З. Фрейдом в переписку, организует психоаналитический кружок, пишет очень наивную работу по психоанализу костюма, становится ученым секретарем Русского психоаналитического общества. Но времена меняются, и впоследствии А. Р. Лурия старается все это не очень вспоминать⁵.

Однако его обращение к «романтической» науке и неудовлетворенность строго рациональным знанием говорят о том, что психоаналитический подход З. Фрейда оказал на молодого А. Р. Лурию неожиданно глубокое и не совсем осознаваемое им самим влияние. Конечно он не

³ Luria A. R. *The Making of Mind: A Personal Account of Soviet Psychology*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. P. 176–177.

⁴ Психоанализ – психологическая теория, разработанная в конце XIX – начале XX века австрийским неврологом Зигмундом Фрейдом, а также метод лечения психических расстройств, основанный на этой теории.

⁵ «Интенсивность и масштаб увлеченности Лурия психоанализом в течение этого периода хорошо иллюстрируется широким диапазоном серий сообщений, которые он опубликовал в то время в *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse* (Luria, 1922a, 1922b, 1923a, 1923b, 1923d; см. также: Luria, 1923c, 1923e). Со скрупулезными наблюдениями, на которых основываются эти работы, всё ещё можно ознакомиться в архивах Лурия. На протяжении первых 17 заседаний Казанского психоаналитического общества, проходивших между сентябрем 1922 г. и сентябрем 1923 г., Лурия лично прочел 12 лекций... Менее чем через месяц после представления благожелательной дискуссии о метапсихологии Фрейда, Лурия внезапно попросил освободить его от должности секретаря Русского психоаналитического общества. В течение ближайших двух лет он самостоятельно вышел из состава общества. В это же время он выступил с расклевывающей речью (Lobner & Levitin, 1878, с. 19), в которой публично отрекся от психоанализа (Papenheim, 1990). Он также опубликовал статью, в которой сознался в своих «психоаналитических заблуждениях» (Kozulin, 1984, с. 88). Несколько лет спустя Лурия написал статью о психоанализе для Большой советской энциклопедии (Luria, 1940), в которой отверг его как «ложную теорию», принадлежащую «сфере достижений вражеской буржуазной науки» на основании того, что психоанализ «биологизирует сложное, исторически детерминированное сознательное состояние человека» (с. 510). Он никогда больше не обсуждал тему психоанализа в изданных работах, за исключением автобиографии, где описал свое раннее увлечение этой «ошибкой»: «Я решил, что оно (психоаналитическое учение. – *Примеч. пер.*) может сочетать строго детерминистическое объяснение конкретного индивидуального поведения с объяснением происхождения сложных человеческих потребностей с точки зрения естествознания. Мне казалось, что психоанализ сможет послужить основой научной, реальной психологии, которая поможет преодолеть различия между номотетическими и идеографическими подходами... В конце концов я убедился, что ошибочно считать человеческое поведение продуктом «глубин» сознания, игнорируя его социальные «высоты» (Luria, 1979, с. 23–24)» (цитируется по: Каплан-Солмс К., Солмс М. Клинические исследования в нейропсихоанализе. Введение в глубинную нейропсихологию / Пер. с англ. К. А. Лемешко. Под науч. ред. докт. психол. наук, проф. А. Ш. Тхостова. М.: Академический проект, 2016. С. 31–32).

может признать это открыто, может быть не может и для самого себя, и находит обоснование у М. Ферворна, делившего науку на «романтическую» и «классическую», хотя у последнего это вполне проходная цитата.

Зато он всегда следовал «романтизму» в своей практической работе. Те, кто работал с Александром Романовичем отмечали его особый стиль общения с больными, как он в этом общении просто и логично раскрывал, что действительно может и не может пациент. Он всегда «анатомировал реальность, как полагается классику» и никогда «не утрачивал перспективы и свойств живого целого», как полагается романтику (Зинченко В. П., 2011).

Прежде всего, это отразилось в описаниях клинических синдромов, наблюдаемых при афазии⁶. Именно в анализе таких единичных случаев зарождалось понимание особенностей нарушения психической деятельности человека. Лурия А. Р. никогда не забывал о своих медицинских корнях и всегда проявлял интерес к конкретному индивидуальному поведению, тем самым продолжая и развивая особую исследовательскую традицию.

Это влияние присутствовало во всей научной и практической работе Александра Романовича, начиная от его виртуозных клинических бесед с больными и заканчивая способом нейропсихологического исследования, процедура которого отличалась отсутствием четкой схемы, но обладала жесткой профессиональной логикой. В лурьевском методе нейропсихологического синдромного анализа узнаются общие черты клинико-описательного метода Жан-Мартена Шарко, который З. Фрейд перенес из неврологии в психологию. Работая в клинике локальных поражений головного мозга и создавая новую аналитическую науку *нейропсихологию*⁷, А. Р. Лурия понимал, что основной ее метод должен выявлять универсальные закономерности связи психики с мозгом. Александр Романович убеждался, что нейропсихология никогда не станет наукой о личности, так как личность не универсальна, а уникальна и не соотносима со структурами головного мозга. Экспериментальные методики и метод синдромного анализа обладают огромным преимуществом, но «живая» клиника всегда «преподносит» сюрпризы, не укладывающиеся в сухие схемы и рамки, так как в них теряется важная вещь – уникальность конкретного человека.

На сходство клинического метода А. Р. Лурии и З. Фрейда обращали внимание и зарубежные нейропсихологи. «Несложно догадаться, ... что... часть клинического метода Лурии – “квалификация симптома” – совпадает с психоаналитическим подходом Фрейда. Можно сказать, что в неврологии метод Лурии это то же, что метод Фрейда в психиатрии...»⁸

Коллеги и ученики, наблюдавшие в НИИ нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко работу А. Р. Лурии, отмечали, что у него никогда не было четкого плана беседы и обследования пациента. Александр Романович, наблюдая за больным, мог применить технику свободных ассоциаций, дать определенные задания, тесты, но все это было уникальным для каждого обследуемого. Такой подход к больному человеку был чисто клиническим, а не экспериментальным и напоминал по стилю психоаналитический сеанс. В результате такого клинического обследования складывался нейропсихологический «портрет», который соответствовал характеру и жизни человека. С одной стороны, в этом проявлялась верность А. Р. Лурии культурно-исторической теории Л. С. Выготского и своим основным научным идеям и взглядам, но с другой стороны – в этом проявлялось и влияние учения З. Фрейда.

Эти две стороны одной большой жизненной задачи так и остались непримиримыми для Александра Романовича Лурии. И этот его внутренний конфликт можно почувствовать, читая

---

⁶ Афазия – это нарушение уже сформировавшейся речи. Возникает при органических поражениях речевых отделов коры (и «ближайшей подкорки» – по выражению А. Р. Лурии).

⁷ Нейропсихология – междисциплинарное научное направление, лежащее на стыке психологии и нейронауки, нацелена на понимание связи структуры и функционирования головного мозга с психическими процессами и поведением живых существ.

⁸ Каплан-Солмз К., Солмз М. Клинические исследования в нейропсихоанализе. Введение в глубинную нейропсихологию / Пер. с англ. К. А. Лемешко. Под науч. ред. докт. психол. наук, проф. А. Ш. Тхостова. М.: Академический проект, 2016. С. 42.

такие яркие работы, как «Маленькая книжка о большой памяти» и «Потерянный и возвращенный мир».

Возможно, работы, представленные в данном издании, и долгая история их написания были способом разрешить глубинный конфликт и более открыто высказать в этих «маленьких» книгах то, что трудно было показать в «больших».

Возможно и другое...

Как уже говорилось выше, А. Р. Лурия, одновременно являясь врачом и одним из ярких ученых-психологов прошлого века, оставил нам, в лице этих книг, богатейший фактический материал, описание ярких неординарных случаев, которые, кстати, до сих пор не получили своего научного объяснения. Проблема синестезий⁹ и выдающихся способностей остаются мало изученными и в психологии, и медицине. С 30-х годов Лурия интересовался проблемой «плюс-симптомов», но так и не успел систематизировать этот материал (Хомская, 1992).

Возможно и то, что эти две книги являются обращением к более широкой (не профессиональной) аудитории. Они – своеобразное наследие широкому кругу читателей. Александр Романович как ученик Л. С. Выготского и в каком-то смысле последователь З. Фрейда верил в восстановление психических функций и всю свою жизнь разрабатывал вопросы реабилитации больных людей. Он всегда помогал людям лучше понять себя, знать свои возможности. Лурия как бы напоминает каждому из нас о ценности обыкновенной человеческой жизни, показывая на этих двух примерах, какой непростой она может быть или стать.

Периодическое переиздание таких книг необходимо, так как развитие науки всегда опирается на работы основоположников и классиков. Много из того, что уже кажется устаревшим, оказывается важным и актуальным в настоящий момент. Более того, именно знакомство с такими работами позволяет понять истинные научные мотивы автора, а именно к чему он стремился и что ему удалось или не удалось сделать.

Д-р психол. наук, профессор А. Ш. Тхостов

Д-р психол. наук, член-корреспондент РАО, профессор М. С. Ковязина

---

⁹ Синестезия – феномен, проявляющийся в сопутствующих ощущениях, характерных для определенного органа чувств. Оно характеризуется тем, что какой-либо раздражитель, действующий на определенный орган чувств, вызывает реакцию ощущений не только этого органа, но также ощущения или представления, характерные другим анализаторам.

Предисловие к американскому изданию¹⁰

Со времени первой публикации, около двадцати лет назад, этой «маленькой, – как ее назвал А. Р. Лурия, – книжки», она стала образцом классического исследования в клинической литературе о нарушениях памяти и сыграла большую роль при понимании и изучении функции памяти в целом. В этом вообще-то не было ничего неожиданного, так как А. Р. Лурия уже в те годы был известен как один из наиболее талантливых исследователей влияния неврологических нарушений на протекание психических процессов человека. С тех пор он занял свое, так сказать, достойное место в ряду таких великих исследователей, как Хьюлингс Джексон, сэр Генри Хэд, Курт Гольдштейн и та небольшая группа клинических неврологов, которая столь основательно обогатила наши представления об афазиях, амнезиях, апраксиях и других нарушениях. И понять в полной мере психологическую значимость исследований и открытий А. Р. Лурия мы можем лишь сегодня, так как современный уровень наших знаний о памяти и ее механизмах позволяет нам осознать, что для своего времени А. Р. Лурия был пришельцем из будущего.

Но имеется и еще один, возможно, более интересный смысл, в котором эта книга стала классической. Можно сказать, что она ознаменовала собой появление нового жанра, не столько научного, сколько литературного. Дело в том, что успех книги А. Р. Лурия связан не просто с глубиной исследований, но с особым состраданием автора к человеческой судьбе и состоянию своего пациента. Это не холодное клиническое описание случая из практики, а гуманистический рассказ о том, что это значит – жить с психикой, которая, с одной стороны, педантично регистрирует мельчайшие подробности бытия, а с другой – оказывается не способной, так сказать, извлечь из всего этого значение, смысл, ответить на вопрос: «Что это всё значит?» С этой точки зрения человеческая и в то же время неприукрашенная история – А. Р. Лурия любил называть этот жанр «романтической наукой» – написана в духе Кафки или Бекетта, которые рисуют героев, лишенных возможности отыскать смысл в мире. Пациент А. Р. Лурия, о котором рассказывается в этой книжке, в каком-то смысле близок к Йозефу К. из «Процесса» или к целой галерее потерянных душ, выведенных в рассказах и пьесах Бекетта. Под этим новым углом зрения оказывается, что «патология» не является каким-то чужеродным для человека состоянием, а представляет собой одно из его естественных проявлений. Вместо того чтобы отвернуться от больных и лиц с повреждениями головного мозга, как от того, что выходит за рамки человеческого разума, мы задаемся вопросами об их субъективном внутреннем мире, их имплицитной эпистемологии, их предрасположенностях. Они перестают быть «случаями» и вновь оказываются человеческими существами. Они становятся частью и литературы, и науки.

В этом новом жанре, основу которого составляет понимание последствий соматических поражений не просто как «органических синдромов», а как одного из возможных состояний человека, со времени публикации классических книг А. Р. Лурия появились новые талантливые голоса. Книга Оливера Сакса «Пробуждения» («Awakenings»), так же как и его более короткие описания отдельных случаев в недавно опубликованной книге «Человек, который принял свою жену за шляпу» («The man who mistook his wife for a hat»), была непосредственно стимулирована работами А. Р. Лурия. А Джонатан Миллер представил на Би-би-си два трогательных и проникновенных документальных видеоочерка: один – о больном с тяжелой формой болезни Паркинсона, который потрясает своим мужеством и силой устремлений; другой – о больном с корсаковским синдромом, который с завидным упорством держался за свои знания, полученные им до заболевания. Оба эти фильма не просто документальные описания «слу-

---

¹⁰ Luria A. R. The mind of a mnemonist. Cambridge, Massachusetts and London, 1987. Foreword by J. S. Bruner. P. IX–XIX.

чаев», а рассказ о человеческой незаурядности и человеческом мужестве перед лицом калечащего недуга. Этот подход обогатил даже исследования последствий экстирпации различных отделов мозга у животных. Примером может служить классическое исследование Ника Хамфри, где он, изучая поведение обезьяны по имени Елена, анализирует не только ее органические дефекты, но и характер их влияния на ее жизнь. В соответствии с традициями работ А. Р. Лурия Хамфри видит в обезьяне субъекта и взаимодействует с нею скорее как с партнером, чем как с подопытным животным, к чьей клетке приходит вооруженный тестами экспериментатор.

И вот, наконец, проникаясь духом работ А. Р. Лурия, мы учимся понимать глухих, слепых, больных с последствиями инсульта, с ампутированными конечностями – понимать их как людей, хуже или лучше справляющихся с обстоятельствами своей жизни, а не просто как больных с «медицинскими проблемами».

Я склонен полагать, что описанные изменения в подходе к больным (изобретение этого нового напряжения) отражают также и новую тенденцию в философии, открывают новую главу в борьбе за освобождение наук о человеке из скучного плена позитивизма XIX в. Объяснение любых состояний человека столь тесно связано с конкретной ситуацией, их интерпретация на множестве различных уровней столь сложна, что невозможно при рассмотрении изолированных фрагментов жизни *in vitro* получить окончательные выводы. И даже самые блестящие исследования не смогут избавить от сомнения, ибо человеческое существо поистине не есть «остров, существующий сам по себе». Человек живет в сложном переплетении взаимодействий, и его сила и слабость вырастают из этих взаимодействий. Было показано, например, что степень нарушений памяти в пожилом возрасте определяется уровнем наших требований к памяти престарелых. Точно так же объем восстановления памяти при амнезии, как свидетельствует научный обзор Вильяма Херста, зависит от воли больного и его желания найти обходные пути к хранящейся в памяти информации, а это в свою очередь опять-таки определяется тем, что собой представляет больной как человек, и тем, в какой степени он чувствует поддержку своим усилиям в окружающем его мире.

Мне кажется, что А. Р. Лурия был одним из первых, кто отчетливо увидел все это, и, несомненно, одним из первых, кто нашел в себе мужество писать в таком духе. Он это называет – в особенности говоря о своих двух знаменитых историях болезни: «Потерянный и возвращенный мир» и «Маленькая книжка о большой памяти» – «романтической наукой». Здесь стоит ненадолго задержаться и попытаться понять, почему он прибегает к такому необычному выражению, бесспорно хорошо осознавая, что оно может пониматься неоднозначно.

Дело в том, что и само это определение, и работы, которые А. Р. Лурия относит к категории «романтических», были не столько неверно поняты, сколько вообще проигнорированы в большинстве традиционных серьезных комментариев к его трудам. В превосходном гарвардском издании научной биографии А. Р. Лурия «Этапы пройденного пути. Научная биография» библиографический список «основных работ, опубликованных на английском языке», не содержит двух названных работ, а Майкл Коул в своем проникновенном эпилоге «Портрет Лурия» проходит мимо этого аспекта научной жизни А. Р. Лурия, практически ничего не упоминая о нем. Однако последняя глава автобиографии, озаглавленная «Романтическая наука», оставляет у читателя убежденность в том, что это была не просто одна из его «тем», а исходно представляла для А. Р. Лурия одну из центральных философских проблем.

Несколько отрывков позволяют нам проиллюстрировать эту мысль. В своей заключительной главе автобиографии А. Р. Лурия противопоставляет «классическую» и «романтическую» науки. Первая посвящена анализу «живой действительности», расчленению ее на составляющие элементы, а цель ее – формулировка «абстрактных общих законов», с которыми могут быть соотнесены простейшие явления. Как объясняет А. Р. Лурия, «один из результатов такого подхода – сведение живой действительности со всем ее богатством деталей к абстрактным схемам». И далее: «Романтики в науке не хотят ни расчленять живую реальность на элементарные

компоненты, ни воплощать богатство конкретных жизненных событий в абстрактных моделях, которые теряют свойства самих явлений». Обсуждая опасности, связанные с чрезмерным увлечением любой из этих крайностей, он отмечает: «Я долго не мог разобраться, какой из этих двух подходов в принципе ведет к лучшему пониманию живой реальности» – и признается: «Этот вопрос интересовал меня в течение первых лет моей интеллектуальной жизни». Фактически «одним из важнейших факторов, привлечших меня к Л. С. Выготскому, было то значение, которое он придавал преодолению этого кризиса».

Он указывает далее на разрушительные последствия применения абстрактной теории научения в психологии: «Богатая и сложная картина человеческого поведения, существовавшая в конце девятнадцатого столетия, исчезла из учебников психологии». И когда электронные записывающие устройства обеспечили возможность выделения все большего и большего числа элементарных единиц, ранее недоступных для непосредственного наблюдения человека, восторг и надежды, связываемые с абстрактным анализом, игнорирующим богатый контекст, оказались почти беспредельными. Наконец, отмечает он горестно, были построены компьютеры, которые позволили обеспечить быструю и сложную математическую обработку данных, получаемых с помощью этих электронных приборов и инструментов. «Многие ученые начали думать, что наблюдение за реальным поведением можно заменить электронным моделированием или математическими моделями. Учебники психологии и монографии были переполнены такими моделями и схемами. Этот поток принес с собой еще большую опасность: реальность человеческой сознательной деятельности заменялась механическими моделями». А затем в А. Р. Лурия начинает говорить ученый-толкователь: «Научное наблюдение – это только чистое описание отдельных фактов. Его основная цель – рассмотреть событие под возможно большим количеством углов зрения». В результате мы должны найти те «внутренние законы», которые обеспечивают уникальность каждого события в его окружении; мы, наконец, должны (говоря словами Карла Маркса) обеспечить «восхождение к конкретному».

В отношении своих двух классических историй болезни он замечает: «В этих книжках я попытался идти по пути Уолтера Патера с его “Воображаемыми портретами”, написанными в 1887 г., с той разницей, что персонажи моих книг не были воображаемыми портретами. В обеих книгах я описывал реальные личности и законы их умственной жизни». Он пишет: «Говоря о С. В. Шерешевском, нельзя ограничиться только его памятью. Самое интересное в том, как его фантастическая память влияла на его мышление, его поведение и личность в целом». И для ответа на эти вопросы А. Р. Лурия понадобилось целых тридцать лет совместных наблюдений, которые он и Шерешевский посвятили изучению этого случая.

Все сказанное представляется вполне ясным и понятным, и нет никаких сомнений, что «романтическая наука» не являлась одной из причуд последних лет жизни А. Р. Лурия. Однако давайте проясним еще один момент. А. Р. Лурия мог являться представителем «романтической науки», ученым, изучающим уникальность этого несчастного человека с уродливо огромной памятью и с преимущественно образным способом решения жизненных задач. Однако через всю его книгу (так же как и через «Потерянный и возвращенный мир») проходят две принципиально важные мысли, которые характеризуют А. Р. Лурия как «классического» ученого. Все его работы, как экспериментальные, так и клинические, показывают, что А. Р. Лурия был убежден, что целью психической активности является построение двух взаимодополняющих вариантов одного и того же мира. Он считал, что нервная система человека функционирует таким образом, чтобы помочь нам построить эти два представления и объединить их воедино. Одно из этих представлений мира является симультанным, в нем, как в панораме, мы «на лету» схватываем, что из окружающего нас необходимо. Другое – это мир, упорядоченный во времени, мир, организованный вокруг планов и намерений, мир, возможность которого обеспечивается работой лобных корковых систем. Поражения лобных отделов нарушают способность строить планы и замыслы; поражения затылочных и теменно-затылочных отделов приводят к

нарушениям типа «симультанной агнозии», когда отдельные элементы и признаки могут восприниматься лишь изолированно, не объединяясь в «целостную», или осмысленную, картину. Вслед за своим учителем Л. С. Выготским А. Р. Лурия считал, что решающая роль в объединении этих сфер принадлежит языку.

На страницах данной книги читатель встретит множество вариаций на эти две темы. В случае Ш. богатство синестезий мнестических образов, сама их полнота препятствуют объединению симультанного представления с разворачивающимся в конкретном времени планированием, как если бы одна система брала верх над другой или гипертрофированное развитие одной мешало формированию другой.

Я затронул эти вопросы, лишь желая показать, что А. Р. Лурия как «романтический» писатель был не только в прекрасных отношениях с А. Р. Лурия – «классическим» ученым, но что они оба работали рука об руку, пытаясь выйти из того кризиса, к которому привлек внимание молодого А. Р. Лурия Л. С. Выготский. Я сомневаюсь, однако, что он когда-либо чувствовал, будто ему удавалось примирить этих двух [живших в нем] людей, он скорее обращался к одному из них для того, чтобы понять и объяснить другого, и это не только имело место в двух его великих историях болезни, но и происходило в течение всей его научной жизни. Для него, как и для его великого учителя, примирение этих двух способов мышления осталось «великим кризисом» психологии. И я полагаю, таковым это было для него в принципе.

Возможно, наилучшей иллюстрацией к сказанному будет один конкретный случай. Я вспоминаю, как мы гуляли с А. Р. Лурия во время одной из наших последних встреч, за год или два до его смерти в 1977 г. Дело происходило в Брюсселе, и мы обсуждали дилемму Л. С. Выготского. Речь, в частности, шла о том, что новые явления в языке и культуре приводят к раскрытию ранее неизвестных потенциальных возможностей человека, поскольку разум развивается благодаря постижению культурных и исторических инноваций. И я вспоминаю его слова: «Тщетно мечтать о построении полностью предсказательной психологии, исходя из человека и истории, каковыми они являются и каковыми они могли бы когда-нибудь стать. Но, по-видимому, наилучшим является то, что мы делаем сейчас, – понимать то, что можно понять, и иметь плодотворные идеи, помогающие нам с осторожностью наблюдать за всем остальным». Мне кажется, его собственные «плодотворные идеи» и блестящие наблюдения выросли из его романтической науки, причем это прослеживается не только в двух данных книжках, но и с самого начала его деятельности. И вероятно, именно поэтому он начинает последнюю главу своей научной автобиографии с известной цитаты из Гёте: «Каждая теория сера, но зеленеет вечно дерево жизни».

Однако и это еще не всё – здесь, конечно же, упущена одна деталь, благодаря которой эта книга превращается в столь выразительный человеческий документ. А. Р. Лурия испытывает сочувствие и сострадание, и это озаряет обе его книги с описанием случаев. Дело в том, что А. Р. Лурия не просто пытался понять двух людей, у одного из которых была грубо гипертрофирована память, а другой пострадал от проникающего осколочного ранения теменно-затылочной области черепа. Он ведь пытался вернуть их к сколь-нибудь полноценной жизни. И это питало его страсть к наблюдению; это да еще ненасытное научное любопытство. Здесь будет уместно отметить, что А. Р. Лурия в большей мере, чем любой из его современников, верил в необходимость реабилитации и самозабвенно работал в области восстановления функций у больных с поражением мозга. Он считал, что может помочь и этим двум людям, и, хотя успех был, возможно, выше в случае с больным, у которого был «потерян мир», он тем не менее помог им обоим. Как-то в совсем другом контексте Нильс Бор заметил, как непросто понять человека, глядя на него одновременно через призму любви и через призму справедливости, – по сути, он провозглашал невозможность примирения этих двух точек зрения. А. Р. Лурия был и врачом, и ученым, и его пример дает нам некоторые основания усомниться в несовме-

стимости таких двух идеалов, как любовь и справедливость. И возможно, в конце концов, как гласит французская поговорка, «дорога лучше постоянного двора».

Дж. Брунер

Потерянный и возвращенный мир

О книге и об авторе

Это повесть об одном мгновении, которое разрушило целую жизнь.

Это рассказ о том, как пуля, пробившая череп человека и прошедшая в его мозг, раздробила его мир на тысячи кусков, которые он так и не мог собрать.

Это книга о человеке, который отдал все силы, чтобы вернуть свое прошлое и завоевать свое будущее.

Это книга о борьбе, которая не привела к победе, и о победе, которая не прекратила борьбы.

Пишущий эти строки не является в полной мере автором этой книги. Автором является ее герой.

Передо мной лежит кipa тетрадей. Пожелтевших, самодельных тетрадей военного времени. Толстых, в клеенчатых обложках тетрадей последующих лет мирной жизни.

В них почти три тысячи страниц.

На них герой книги затратит четверть века работы – изо дня в день, из часа в час, пытаясь записать историю своей жизни, последствия своего страшного ранения.

Он собирал свои воспоминания из мелких осколков, мелькавших без системы, пытаясь уложить их в стройную последовательность. Он испытывал мучительные затруднения, вспоминая каждое слово, собирая каждую фразу, судорожно пытаясь схватить и удержать мысль.

Иногда – в удачные дни – ему удавалось за целый день написать страницу, много – две, и тогда он чувствовал себя совершенно истощенным.

Он писал, потому что это была его единственная связь с жизнью, единственный способ не поддаться недугу и остаться на поверхности. Это была его единственная надежда вернуть что-нибудь из потерянного. Он писал с мастерством, которому мог бы позавидовать любой психолог. Он боролся за жизнь.

Это трагическая книга.

Эта книга о мучительной борьбе с болезнью. Книга о героической борьбе за жизнь. Книга незаметного героя, которого родила война.

Страницы дневника нашего героя, который он сам сначала назвал «История страшного ранения», а потом «Опять борюсь...», написаны в разные периоды. Он начал свой дневник на второй год после ранения и писал на протяжении четверти века, всё снова и снова возвращаясь к отдельным эпизодам.

Пишущий эти строки попытался со всей доступной ему тщательностью изучить удивительный документ. Он расположил его страницы в хронологическом порядке, ретроспективно восстанавливая историю ранения по записям больного, и попытался затем дать характеристику тех глубочайших изменений в сознании, которые были вызваны пулей, разрушившей важные для нормальной работы участки мозга.

Он присоединил к этому свои непосредственные наблюдения над героем этой книги, наблюдения, которые он, как специалист своей отрасли науки, вел больше четверти века – сначала в госпитале военного времени, потом на протяжении многих лет в условиях клиники. Он сдружился со своим героем; он понял, какую блестящую жизнь разрушила эта пуля, застрявшая в мозгу; и у него возникло желание поделиться с другими теми переживаниями и мыслями, которые сложились у него за годы работы.

И вот эта маленькая книга. Книга, которая в значительной части написана человеком, для которого написание каждой строчки было результатом титанических усилий и которому удалось собрать целые картины своего мира, раздробленного на тысячи отдельных кусков.

В этой книге нет ни строки вымысла. Каждое ее положение проверено сотнями наблюдений и сопоставлений. Пишущий эти строки не был вправе вносить какие-либо изменения в страницы дневника, написанного героем, выбирая лишь куски из отдельных тетрадей и не меняя ни стиля, ни смысла.

Читатель оценит эту книгу – книгу об одном живом человеке, который с таким упорством боролся за свой мозг, испытывая на каждом шагу непреодолимые трудности, но который в конечном счете вышел победителем из этой изнуряющей, неравной борьбы.

Александр Лурия

...Может быть, кто-нибудь из знатоков больших и серьезных мыслей поймет мое ранение и болезнь, разберется, что происходит в голове, в памяти, в организме, оценит мой труд по достоинству и, может быть, поможет мне в чем-либо, чтобы избежать трудности в жизни. Я знаю, что многие говорят о космосе, о космических пространствах. И Земля наша является мельчайшей частичкой этого бесконечного космоса. А ведь люди почти что не думают об этом, они думают и мечтают о полетах хотя бы на ближайшие планеты, которые обращаются вокруг Солнца. А вот о полетах пуль, осколков, снарядов или бомб, которые раскалываются и влетают в голову человека, отравляя и обжигая его мозг, калеча его память, зрение, слух, сознание, – это люди считают теперь обычным делом. Так ли это? Отчего же тогда я болею, отчего не работает моя память, отчего не возвращается зрение, отчего вечно шумит, болит голова, отчего я недослышу, недопонимаю речи людской сразу? Тяжелое это дело – понимать снова мир, потерянный мною из-за ранения и болезни, уже из отдельных мельчайших кусочков собрать его в одно целое...

Я решил назвать свое писание такими словами: «Я снова борюсь!» Мне хотелось написать рассказ, как со мной случилось это бедствие, которое не уходит от меня уже с самого ранения и до сих пор. Но я все равно не падаю духом, стараюсь улучшить свое положение, развивая речь, память, мышление и понятия. Да, я борюсь за восстановление своего положения, которое я потерял во время ранения и болезни.

Л. Засецкий

Прошлое

Вначале все было просто.

Прошлое было таким обычным, как у всех других; жизнь была нелегкой, но простой; будущее казалось таким заманчивым...

И сейчас он любил вспоминать это, и страницы его дневника всё снова возвращали его к этой – теперь потерянной – жизни.

«В 1941 году перед самой войной я окончил третий курс механического института и уж, кажется, начал собираться на практику на специальный завод. В моем воображении рисовался завод, моя практическая работа!.. А там лучшие проекты! Отличное окончание института... аспирантура и... самостоятельная работа для лучшего будущего!

С раннего детства я почему-то тянулся к наукам, к знаниям и с жадностью всасывал в свою память всё, с чем только успел соприкоснуться: в школе ли, в кружках ли, в текущей ли народной жизни. Мне почему-то хотелось быть многосторонне развитым советским человеком, способным оказать своему народу многостороннюю помощь в области науки и техники.

Я очень рано лишился отца, когда мне не было еще и двух лет от роду. Мой отец внезапно умер на угольных шахтах, где он работал горным инженером. Моей матери пришлось тяжело после смерти отца с четырьмя маленькими детьми. А ведь моя мать была неграмотной, она даже не сумела получить пенсии за детей. Зато она была трудолюбивая, не испугалась пришедшей новой и суровой жизни и как-то ухитрялась и одеть, и обуть, и накормить, и обогреть всех детей, а когда пришло время отдавать детей в школу, она сделала и это. Начал в школе учиться и я. Отлично окончил начальную школу, а затем через шесть лет закончил отличным и десятилетку!

Ну а институт я и вовсе быстро окончу, без сомнения, остаются какие-нибудь два годочка – пустяки, теперь мне никто не помешает кончить его! А как только кончу институт, сразу начну помогать своей матери, пусть она отдохнет теперь».

Иногда он возвращался к воспоминаниям детства, которые сначала казались смутными, а потом всплывали с такой ясностью.

«Оказывается, что я помню свое детство и даже помню свой школьный ранний период, когда я учился в первом-втором классе начальной школы. Я помню свою учительницу, которая меня учила в начальной школе, помню ее фамилию – Марья Гавриловна Лапшина, помню своих лучших товарищей – Миронов Санька, Саломатин Володька, Разина Таня, Протопопова Адя, Лучникова Маруся...

Я помню детские игры, мотивы детских песен. Я помню, как во втором классе сочинял стихи про плохих товарищей, я помню, как меня посылали на слет пионеров в Москву, который тогда состоялся. Помню пионерский лагерь, пионерский костер, помню свой родной город Епифань целиком и по частям; помню своих лучших товарищей по начальной школе; помню свою учительницу; помню, что такое земля, солнце, луна, звезды, что такое вселенная (как помнит и представляет ребенок-школьник!)».

И снова – жизнь тихого, забытого городка, где протекали и детство, и юность:

«Город Епифань был когда-то старинный купеческий городок. В центре города – большой собор с расписными фигурками богородиц с младенцами, на верхушке – золотой крест, а вокруг собора расходятся лучами улицы, сначала с двумя-тремя этажами, а потом уже одноэтажные деревянные купеческие дома... По окраинам – еще три или четыре церкви... За километр – речка, несущая воды с севера на юг... К ней приходится спускаться слева – по наклонной улице или идти там, где церковь Успения, – по крутой отрывистой тропинке... И наша семья... Она живет на небольшой улице – Парковой, на втором этаже... Через три дома идет небольшой парк... Все тихо, спокойно».

Война

И вдруг – всё оборвалось.

«Я шел рано по городу, размышляя о своем будущем и направляясь в свой институт, как вдруг услышал (я даже вздрогнул!) страшную весть: война с Германией. Практика отменяется. Наш институт вынужден без каникул переключиться – учиться в следующих курсах. И мой курс – теперь он стал называться четвертым – тоже включился в учебу. Но немецко-фашистские варвары начали занимать нашу территорию. Необходимо было помочь Родине. По комсомольской мобилизации комсомольцы нашего четвертого курса вызвались пойти на фронт, временно оставив институт до окончания войны...

И вот я уже воюю где-то на Западном. А вот я уже ранен в висок. А через месяц я снова на фронте, воюю с врагами. Время нашего отступления давно ушло. Наши войска только наступают, только движутся вперед и вперед. Шел уже 1943 год. Западный участок фронта. Смоленщина. Где-то под Вязьмой, на реке Воря, расположился взвод ранцевых огнеметчиков, которому поручено было соединиться со стрелковой ротой во время предполагаемого наступления против немцев. Взвод огнеметчиков во взаимодействии со стрелковой ротой собирался прорвать оборону немцев на том берегу Вори. Ожидали приказа к наступлению. Этого приказа рота и взвод ожидали вторые сутки. Начало марта месяца. Погода тихая, солнечная, но еще сырая. Валенки у всех промокли насквозь, и всем хотелось немедленно наступать. Скорей бы вышел приказ к наступлению, скорей бы...

Я еще раз обошел бойцов (а я был как раз командиром взвода ранцевых огнеметчиков), побеседовал с каждым из бойцов, распределил взвод равномерно среди стрелковой роты и тоже стал ждать приказа. Я посмотрел на запад – на тот берег Вори, на котором находились немцы. Тот берег очень крут и высок. «Но трудности нужно преодолеть, и мы их преодолеем! – думал я. – Лишь бы вышел приказ!»

А вот и приказ. Все зашевелились. Загрохотали наши орудия... Минута, другая, третья. И всё стихло. И вдруг всё быстро зашевелилось – все двинулись через ледяную реку. Солнце, казалось, ярко блестело, хотя оно уже и садилось. Немцы молчали. Два или три немца быстро исчезли в глубине местности. Ни выстрела, ни звука. Вдруг засвистели пули немцев, застрекотали по бокам пулеметы. Засвистели пули и над моей головой. Я прилег. Но ждать долго нельзя, тем более что наши орлы начали забираться вверх. Я вскочил со льда под пулеметным обстрелом, подался вперед – туда, на запад, и...»

После ранения

«Я начал приходить в себя в ярко освещенной палатке, где-то недалеко от передовой линии фронта...

Я почему-то ничего не мог припомнить, ничего не мог сказать... Голова была словно совершенно пустая, порожняя, не имевшая никаких образов, мыслей, воспоминаний, а просто тупо болела, шумела, кружилась.

Только изредка выплывал иногда мутный образ человека с плотным широким лицом, в очках, сквозь которые выглядывали раздраженные и даже свирепые глаза, показывающие врачам и санитарам, что делать со мной, когда я лежал на операционном столе.

Надо мной склонилось несколько человек в ярко-белых халатах, с ярко-белыми колпаками на голове, с марлевыми повязками, закрывающими лицо до самых глаз.

Я очень смутно помню, что лежал на операционном столе, а несколько человек крепко держат меня и за руки, и за ноги, за голову и так, что я не мог даже пошевелить ни одним членом.

Я только помню, что меня держали санитары и врачи, помню, что отчего-то кричал, задыхался... помню, что по моим ушам, шее бежала теплая, липкая кровь, а в губах и во рту ощущалась солоноватость.

Я помню, что мой череп трещал и гудел, что в голове ощущалась сильная и резкая боль...

Но сил больше нет, я не могу больше кричать, я задыхаюсь, дыхание мое остановилось, жизнь вот-вот отлетит от моего тела.

В то время у меня никаких мыслей не было. Я засыпал, просыпался. Думать о чем-нибудь, размышлять, вспоминать что-нибудь в то время я совсем не мог, так как моя память еле-еле, как и жизнь, теплилась и была очень плохая...

Я не сразу начал осознавать себя, что со мной, и долго не мог понять (в течение многих суток!), где же у меня рана... Я просто, кажется, превратился от ранения головы в какого-то странного ребенка.

Я слышу голос врача, который с кем-то разговаривает. Я не вижу врача и не обращаю на него внимание. Вдруг врач подходит ко мне, дотрагивается до меня чем-то и спрашивает: “Ну, как дела, товарищ Засецкий?” Я молчу, но уже начинаю думать, а что же это он мне говорит. И когда он мне несколько раз называет мою фамилию, я наконец вспоминаю, что фамилия “Засецкий” – это моя фамилия, и только тогда говорю ему: “Ничего”.

В начале ранения я казался совершенно новорожденным существом, которое смотрит, слушает, замечает, наблюдает, повторяет, воспринимает, а само еще ничего не знает. Таким был и я в начале ранения. С течением времени и после многократных повторений в моей памяти (речи и мышлении) нарастают различные сгустки – “памятки”, от которых я начинаю запоминать течение жизни, слова (мысли) и значения.

К концу второго месяца ранения и я уже всегда помнил Ленина, солнце и месяц, тучу и дождь, свою фамилию, имя, отчество. Я даже иногда начинал припоминать то, что у меня есть где-то мать с двумя сестрами, что был и брат перед войной, который в начале войны (он служил в армии в Литве) пропал без вести.

И тогда мой товарищ по койке начал мной интересоваться и даже обещал написать моим родным письмо, когда я сумею припомнить свой домашний адрес. Но вот как мне припомнить домашний адрес?.. Это страшно тяжелое дело. И я, пожалуй бы, не смог припомнить свой адрес, раз я даже не мог вспомнить имена своих сестер и матери».

Что же со мной?

Он всё осознавал, он видел всё, что окружает его, он знал, что он в госпитале, что вокруг него товарищи, что сестры и няни ухаживают за ним, что он был ранен и что с ним произошло что-то ужасное, но он чувствовал, что живет в каком-то тумане, что мир стал не тот, что был раньше, что он сам стал какой-то другой, что теперь всё иное. Что же это? Что же с ним?!

«В результате ранения я всё забыл, чему когда-то учился и что когда-то знал... Я всё забыл, после ранения сызнова начал расти и развиваться до некоторого момента, а затем вдруг мое развитие приостановилось и так находится в недоразвитом положении и до сего времени. Главное же недоразумение было в моей памяти: я забыл всё на свете и теперь снова начинаю осознавать, запоминать, понимать уже той памятью, которой я пользовался еще в детстве...

Я сделался от ранения в полном смысле слова ненормальным человеком, но только я сделался ненормальным человеком не в смысле сумасшедшего – нет, вовсе нет. Я сделался ненормальным человеком в смысле утраты огромного количества памяти и длительного невспоминания ее остатков...

В моем мозгу все время путаница, неразбериха, недостатки и нехватка мозга...

У меня раньше все было так (а), а теперь стало так (б) (рис. 1).

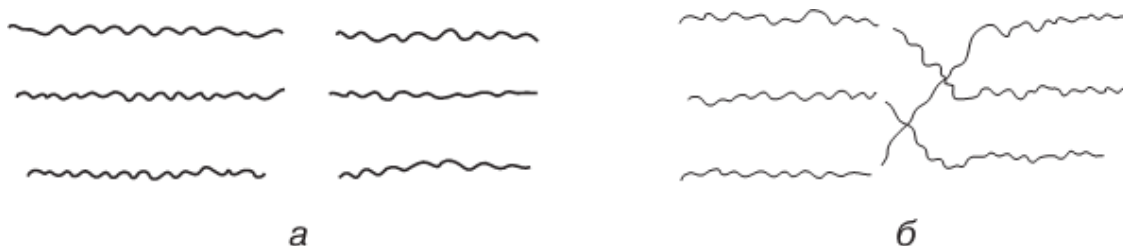

Рис. 1

Я нахожусь в каком-то тумане, словно в каком-то полусне тяжелом, в памяти ничего нет, я не могу вспомнить ни одного слова, лишь мелькают в памяти какие-то образы, видения смутные, которые быстро появляются и так же быстро-быстро исчезают, уступая место новому видению, и ни одного видения я не в состоянии ни понять, ни запомнить...

Все то, что осталось в памяти, распылено, раздроблено на отдельные части пословесно, без всякого порядка. И так у меня происходит в голове вот такая ненормальность, с каждым словом, с каждой мыслью, с каждым понятием слова».

И это понимал не только он. Ему казалось – нет, он был уверен, что и другие видят это, что всем ясно, что теперь он стал другим, ни к чему не способным, видимостью человека, что в действительности он умер и лишь внешне продолжает жить, что на самом деле он был убит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.